



# СОДЕРЖАНИЕ

*Их было много, и каждый говорил о своем*

7

КАКИЕ ЖЕ ЛЕГКИЕ — ЛЕГКИЕ

9

ЧТО ВЫ ХОТИТЕ  
ОТ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОГО ЗОВУТ ТЕОДОР?

59

У КАЖДОГО СВОЙ ДАБЛОИД

115

ПОДАЙТЕ В ЧЕСТЬ ОСЕННЕГО  
РАВНОДЕНСТВИЯ

163

СЕМЬЯ ЗВЕЗДОБОЛА

219

Я СИДЕЛ ВО ВСЕЛЕННОЙ

273

ПОЧЕМ ПОЛУМЕСЯЦ?

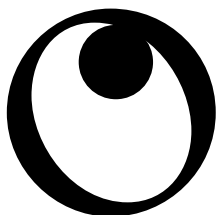
329

I AM IN THE CENTER OF NOWHERE

385



# Их было много, и каждый говорил о своем



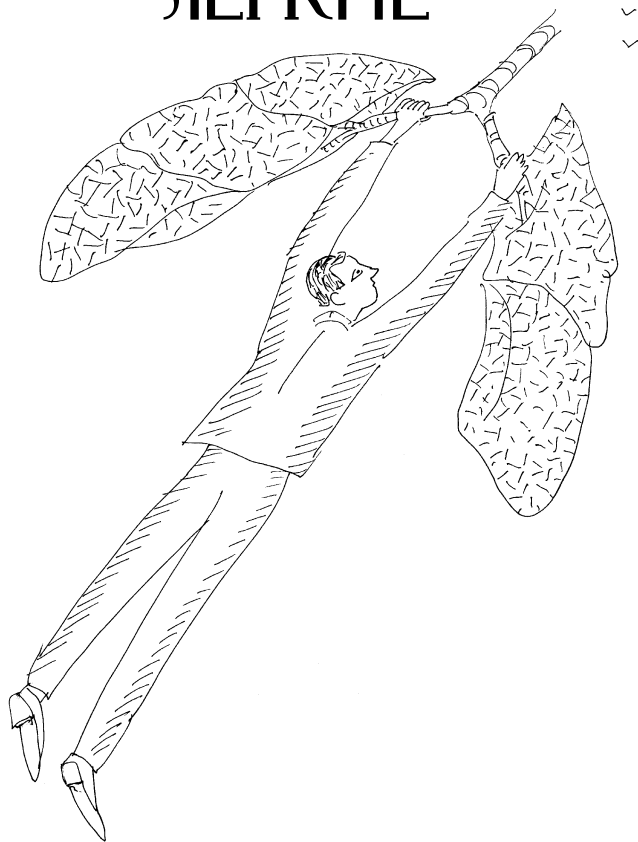
днажды, путешествуя по Японии, я встретила норвежца, бродившего от селения к селению в горах острова Хонсю. Звали его Стол Стенсли. Профессор художественной школы в Осло, он вел там занятия по саунд-арту — искусству, которое вместо кистей и красок использует звуковые вибрации. Мелодии речи, тембры, голосовые оттенки, интонации были красками на его палитре.

Профессор Стенсли записывал японцев, чтобы построить инсталляцию в форме карты тех мест, где он побывал. Через какое-то время в музее Итихары я увидела его творение *The Ichihara Touch Tales*. Это был рельеф горной местности с точно обозначенными населенными пунктами. Когда ты подносишь руку к одному из них, включались динамики, и в зале начинали звучать голоса жителей этого городка или деревеньки. Они рассказывали о себе, о своей любви, о местечке, где родились и живут.

Зрители простирали ладони над этой маленькой землей и слушали живые голоса ее невидимых обитателей. Их было много, и каждый говорил о своем, вливаясь в грандиозный человеческий хор, объединяющий всех нас, живущих по разным уголкам Вселенной.



КАКИЕ ЖЕ  
ЛЁГКИЕ —  
ЛЁГКИЕ





Жил на свете суфийский мистик, звали его Абдулла. Однажды его спросили, почему он всегда веселый? Тот ответил: «Когда-то я был таким же печальным, как ты, и вдруг меня осенило: это мой выбор, моя жизнь! С тех пор каждое утро, просыпаясь, я спрашиваю себя: «Абдулла, настал еще один день. Чего ты хочешь? Страдания? Блаженства? Что ты выберешь сегодня?» И всегда так получается почему-то — что я выбираю блаженство...»



— И напиши обо всех с юмором, — сказал художник Леонид Тишков.

— Но многих уже нет...

— Тогда напиши с юмором о тех, которые, как нам кажется, есть, хотя их нет, и — без юмора — о тех, которых, как нам кажется, нет, хотя они есть.



— Я имела неосторожность, — сказала мне Дина Рубина, — вывалить все свои байки, которые я накопила за целую жизнь, в книжку «Больно, когда смеюсь». Теперь на выступлениях я вынуждена просто читать свои рассказы, потому что все уже всё знают и читали.

— Так, значит, не надо этого делать? — спрашиваю. — А я как раз именно этим сейчас и занимаюсь: вываливаю все свои байки...

— И правильно делаешь! — горячо воскликнула Дина. — Публика это обожает!





Пять раз пришлось мне сдавать на факультете журналистики “Божественную комедию” строгой Ванниковой — и всякий раз, пытаясь классифицировать круги ада, я приводила ей слова великого Данте Алигьери о любви, что движет солнца и светила, а заодно и строки Шиллера о божественной радости, чья власть связует свято все, что ныне врозь живет... Пока на пятый раз она мне не сказала:

— Москвина, если я еще раз услышу от вас о любви, что движет солнца и светила, я напишу докладную Засурскому.



Мои родители долго собирались, наконец, засели за письмо друзьям в Париж, чуждым старикам Клоди и Андре Файен.

— “Здравствуйте, Клоди и Андре!...” — начал Лев.

— А Андре-то жив? — засомневалась Люся. — Что-то он болел последнее время...

— Но ведь нет сведений, что он умер...

— Ага, тогда так, — сказала Люся. — “Здравствуйте, Клоди и Андре, если ты жив...”



Юрий Никулин дружил с моим дедом Степаном Захаровым, в поселке Кратово он частенько заходил в гости вечерами гонять чай (и не только чай!). Степан был большой хохмач и шутил напропалую над всеми, невзирая на лица. Рыжий, конопатый, хромой, сам себя дед называл мордovorотом. “Я иду, а на меня все морды воротят”, — с гордостью говорил он.



Увидев нас с маленьким Серёгой в цирке на Цветном (зашли к нему в кабинет по старой дедовой дружбе) — Юрий Никулин воскликнул:

— Значит, ты, рыжик, правнук Степана Степаньича? Вижу породу! Это ж мировой был мужик! А выпить любил!

И мне — доверительно:

— В нем есть что-то наше, клоунское, если что — позвони, я составлю протекцию...



Юрий Никулин подарил нам свою фотографию и написал: “Марине и Серёже на добрую память”.

Да еще нарисовал автопортрет!

А чтобы Лёне Тишковой было не обидно, я по дороге домой шариковой ручкой вписала “и Лёне” — никулинским почерком...



В Доме творчества, обдумывая финал своей пьесы про летающего крокодила, решила посоветоваться с поэтом Григорием Кружковым.

— Он должен чем-то пожертвовать, чтобы взлететь. Возможно, своим хвостом, — сказала я.

— Ни в коем случае, — ответил Гриша. — Довольно того, что он пожертвовал своим *реноме*...



— Как бы мне найти слова, — спросила я у Кружкова, — чтобы не сказать ничего определенного?

— Если ты хочешь ничего не сказать, — ответил Гриша, — то лучше тебя этого никто не сделает.



В Сургуте, выступая в детском доме, показала ребятам фотографию гигантского Будды в Камакуре.

— Кто это?

Молчание.

Вдруг одна крошечная девочка в последнем ряду еле слышно сказала:

— Это Будда.

— Почему ты так решила?

— Сама не знаю, — ответила она.



Летим в Прагу на книжную ярмарку. В аэропорту Домодедово в кофейне сидит Андрей Георгиевич Битов. Я устроилась поодаль и наблюдаю, как он бросил сумку на полу возле столика — у него был кожаный портфель на длинном ремешке, выдавший виды, — и ушел в книжный магазин, купил несколько толстых книг и минут через двадцать вернулся. В аэропорту! Это показалось мне величайшим актом доверия человечеству.



Художник Тишков — расцветающему бутону:

— Вот ты из нас единственный, кто знает, чем занимается...



В Доме творчества в кои-то веки вышел на ужин сосед по столу, художник.

— Неделю, — говорит, — из номера не выходил — рисовал. Ел пряники, селедку. А тут все запасы кончились, даже хлеб.

— А что вы рисовали?

— Я? Портреты.

— Маслом?

— Зачем? Карандашом. Красками рисуют те, кто карандашом не умеет рисовать.

— А чьи портреты?

— С фотографий.

Дальше я не стала спрашивать.



— У меня племянник в деревне живет, — он мне рассказывал. — Ест один раз в день. В пять встает, в шесть ест суп. Там у него все, в этом супе: рис, морковь, пшено, зелень, курица. Поест один раз — до следующего дня хватает. Вот с кого пример надо брать. Восемьдесят лет — ни одной болячки. Здоровье лучше, чем у меня в шестьдесят. И — ни одного седого волоса.

Меня удивило, что племянник старше своего дяди на двадцать лет, но я и тут не стала задавать лишних вопросов.



В ДК “Москворечье” на джазовом концерте, где импровизировал Курёхин, бил в барабаны Тарасов, дул в диджериду, мундштук валторны и флюгельгорна Аркадий Шилклопер, пел Старостин и на двух саксофонах разом играл Чекасин, я впервые увидела композитора Михаила Альперина. Он вышел — чернородый, в соломенном шлеме, зеленых носках, красной рубашке. Кто-то крикнул:

— Ребята, “толстое” время началось!

Альперин был в ударе, он играл на рояле руками и ногами, он играл всем, что имел. И как играл! Стоит ли говорить, что знакомство с Мишей вдохновило меня на книгу “Моя собака любит джаз”.